Л. Н. ТРЕФОЛЕВ
НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ И АВТОБИОГРАФИЯ

Предисловие и примечания А. Ефремина

О ЛИТЕРАТУРНОМ НАСЛЕДИИ Л. Н. ТРЕФОЛЕВА

Литературное наследие поэтов революционной демократии в России 60-х, 70-х и первой половины 80-х годов должно подвергнуться переоценке в свете ленинского учения. Вновь открытые в архивах и в забытой старине произведения дают нам новый облик поэтов — идеологов и защитников «американского» пути развития.

Буржуазно-либеральная традиция (о реакционно-дворянской и говорить нечего) в течение десятилетий затирала и оттесняла поэтов крестьянской революции, противопоставляя им струю реакционной поэтической «музы», рядившейся в одежды «чистого искусства». А. Фет, Ф. Тютчев, К. Случевский почитались единственными мастерами. Они задавали тон. У них рекомендовалось учиться. Декаденты извлекли из архивной пыли поэта 30-х годов В. Г. Бенедиктова, которого гениальный Белинский иначе не звал, как пошляком, но который увлек декадентов пустым и внешним блеском. Буржуазно-дворянская традиция принимала все и всяческие меры, чтобы набросить тень забвения на поэтов крестьянской революции, и традиция эта не раз торжествовала победу. Даже Г. В. Плеханов, несвободный от буржуазных влияний, начинает свою статью о Н. А. Некрасове с признания его антиэстетических погрешностей.

Давно пора решительно и навсегда разделаться с влиянием дворянско-буржуазных традиций в литературе. Пора понять, что Некрасов достиг вершинных позиций на поэтическом поприще. И не только Некрасов: вся плеяда поэтов крестьянской революции составляет гигантской значимости историческое явление. «Дубинушка» и «Песня о камаринском мужике» Л. Трефолева получили горячее признание миллионных масс трудящихся. Стихотворные пародии и фельетоны В. Курочкина пользовались беспримерным успехом в революционных и радикальных кругах шестидесятников и семидесятников. «Царь Ахреян» А. П. Барыковой часто переиздавался за границей, и т. д.

Л. Н. Трефолев принадлежит к числу тех поэтов, наследие коих достойно серьезного изучения. Трефолев писал в течение полувека и опубликовал свыше трехсот стихотворений. Но многие из его произведений не могли быть напечатаны по цензурным условиям. К запретным пьесам Трефолева относятся (тематически) стихи, направленные против царей и царского дома, против Христа и попов, против всесильных временщиков (К. П. Победоносцев, М. Н. Катков и др.), против цензуры и т. п. Сюда же относятся произведения, тему которых составляет конституция: о ней нельзя было даже и заикнуться в легальной печати. Не мало стрел пускал Трефолев против охранительной прессы (кн. В. П. Мещерский, ред.-изд. «Гражданина»), против обскурантов из представителей «науки» (П. П. Цитович и др.) и т. п. Трефолев воевал против либералов. Он принадлежал к радикальному крылу поэтов, сражавшихся с представителями российского либерализма, хотя и сам не всегда был свободен от либерального культурничества. В его творчестве были сильны и объективно-реакционные тенденции позднего народничества (о колебаниях Трефолева см. предисловие к собранию стихотворений Л. Н. Трефолева, ГИХЛ, 1931, см. также «На лит. посту» № 23—24 за 1930 г.; статьи принадлежат автору этих строк). Вместе с тем в его творчестве дает себя знать и струя пролетарских мотивов.

Л. Н. Трефолев отстаивал гражданскую поэзию против поэзии безыдейной, снобистской. Он постоянно, в течение долгих лет боролся против поэтов — представителей «чистого эстетизма». Он стоял на-страже позиций социально-действенного творчества. Остроумная миниатюра «Балагур и Тимур» аллегорически повествует о том, как терроризованный и купленный тираном «свободный» поэт отрекся от гражданских мотивов и из глашатая общественных интересов обратился в «чистого эстета» и «стал воспевать... невинных дев и обольстительную розу». На черновике стихотворения «Балагур и Тимур» мы нашли заголовок совершенно откровенный: вместо названного — значилось: «Почему они поют о девах и розах?»

Кто это о н и?

О н и — это А. Фет, Л. Мей, К. Случевский, К. Павлова, Н. Щербина, А. Голенищев-Кутузов и др. Трефолев издевается над поэтами, лакействующими перед реакцией («Не может быть!»); он поет гимн политической поэзии, нераздельно связанной с классовой борьбой («Три поэта»); в зашифрованном произведении «Песня рабочих» Трефолев шлет пламенный привет парижским коммунарам, и т. д. В упомянутой книге стихов Трефолева опубликован ряд стихотворений, посвященных борьбе против «эстетов» и безыдейных рифмачей.

Трефолев жил и писал в десятилетия самого жестокого цензурного гнета. Десятки его стихотворений и статей возвращались к нему с грифом цензурного запрета. Их можно видеть и сейчас: они хранятся в архиве с гневной надписью рукой поэта: «Не разрешено цензурой-дурой». Но было не мало и таких стихотворений, которых и не мыслил поэт посылать в редакцию журналов. Трефолеву, который не выходил из состояния поднадзорного; Трефолеву, которому даже было запрещено публичное чтение своего стихотворения в ярославском артистическом кружке в 1896 г. в память 50-летия появления в свет «Бедных людей» Ф. М. Достоевского[1]; Трефолеву, за которым зорко следили власти,— надо было соблюдать сугубую осторожность. А между тем он писал антирелигиозные поэмы («Живой мертвец»[2] и «Семь глав об одной поповой шапке»[3]), противоправительственные сатиры, эпиграммы на царей и пр.

Вот почему литературная продукция, опубликованная при жизни поэта, в том числе и отдельно изданный сборник «Стихотворения Л. Н. Трефолева» (Москва, 1894 г., стр. 416. Ц. 2 руб.) дают нам извращенное представление о его творчестве, изуродованном царской цензурой. Л. Н. Трефолева, как и всякого прогрессивного писателя царских времен, нельзя и недостаточно изучать лишь по напечатанным в под-

---

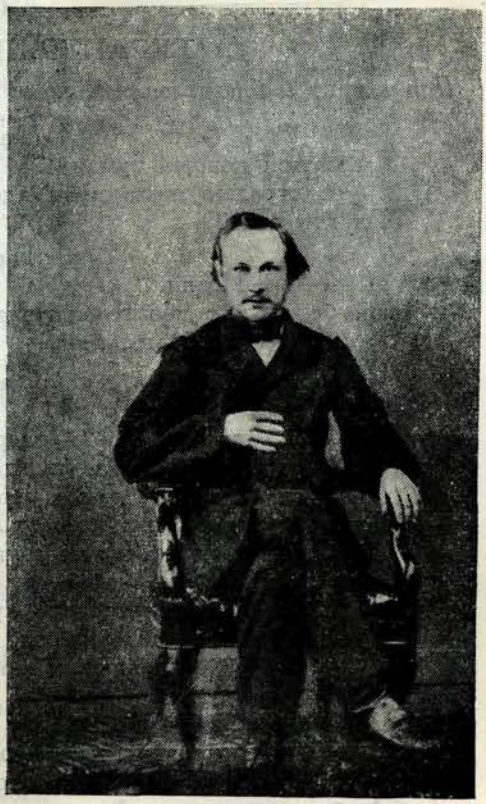
[1] См. об этом любопытном анекдотическом инциденте «Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского», «Издательство писателей в Ленинграде», 1930 г. стр. 315 и сл. Там же приведен еще более курьезный факт о том, при каких обстоятельствах произошло увольнение Л. Н. Трефолева от должности: он был уволен в 1870 г. за то, что, разговаривая с ярославским вицегубернатором, имел неосторожность вложить руку в карман брюк. «Прошу вас как следует стоять перед начальством, извольте, сударь, вынуть руку из кармана» — разразился вицегубернатор... Разумеется, это был лишь повод для придирки: причины лежали в ином.

[2] Поэма «Живой мертвец» в черновике первоначально озаглавлена «Христос». Нечего было и думать печатать подобную поэму с таким заголовком. Тогда автор стал всячески приспосабливать поэму для печати и придумал ей название «Живой мертвец»; относится она к 1858 г. Христос здесь представлен в образе казненного чиника, в вицмундире и с орденом на шее; однако и в этом виде напечатать ее Трефолеву не удалось.

[3] Поэма «Семь глав об одной поповой шапке» была напечатана впервые десять лет спустя после смерти Л. Трефолева, в 1915 г. в «Будильнике» № 52. Появилась она с подзаголовком: «Ненапечатанная поэма Трефолева». Эта противопоповская поэма была известна издавна. Она ходила в рукописных списках и приписывалась авторству то А. Жемчужникова, то А. Толстого и др. В редакцию «Будильника» стихотворение попало через третьи руки, а получено оно было от Сологуба (художника). При этом надо иметь в виду, что «Будильник» напечатал поэму не полностью: редакция выпустила из текста по цензурным причинам свыше 500 строк. Они имеются в нашем распоряжении. Однако поэма все же не включена в «Собрание стихотворений» 1931 г., и вот почему: у нас нет полной уверенности в том, что поэма действительно принадлежит Л. Н. Трефолеву. В архиве поэта никаких следов означенной поэмы не найдено.

цензурных условиях текстам. Они дают однобокий портрет. Поэт терпел беспрестанное ущемление цензурных тисков, протест его загонялся далеко внутрь и воплощался в подспудные художественные строки.

Трефолевское подпольное творчество, его песни, памфлеты и эпиграммы, изготовляемые в провинциальной глуши, не получили того широкого (относительно) распространения, какого достигла запретная лира столичных поэтов и известных революционеров. Его стихи не попали — насколько нам известно — в сборники запретных стихов, издаваемых за границей. Но все же, очевидно, у Трефолева был свой читатель: далекий провинциал глухих углов ярославского края. Сюда, в дремучее Пошехонье, вносил свой голос протеста поэт-демократ. Власти чуяли, что автор «Камаринского» и «Дубинушки» не так уж невинен, как он старается казаться. И власти не ошибались в нем. В секретных ящиках письменного стола Трефолева накапливались в течение десятилетий боевые гимны, жгучие эпиграммы, уничижительные памфлеты против столпов режима и против самого режима. Лишь пролетарская революция дала возможность опубликовать эти сокровенные помыслы поэта и тем самым обнаружить истинный облик Л. Н. Трефолева, сокрытый в течение полустолетия от взора широких трудящихся масс. В вышедшем недавно под редакцией пишущего эти строки новом «Собрании стихотворений» поэта (ГИХЛ, 1931) помимо произведений, помещенных в сборнике 1894 г., и произведений, печатавшихся в повременной прессе, но не вошедших в сборник, дано много стихотворений, никогда ранее не появлявшихся в печати. Они были извлечены из архива писателя. Здесь мы помещаем еще 9 неопубликованных стихотворений Трефолева. Одни из них направлены против царей (Александра II, Александра III, Николая II), другие имеют мишенью Иоанна Кронштадтского, К. П. Победоносцева, «великого князя» Сергея Александровича, попов, земских начальников, либералов и либерализм, наконец «чистого поэта» К. Случевского. Мы помещаем также в качестве дополнения автобиографию Л. Н. Трефолева, написанную им в третьем лице. Последняя строка автобиографии—о смерти Л. Н. Трефолева — написана дочерью поэта. Автобиография, так же как и стихи, появляется в печати впервые.



Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

С фотографии (1867 г.), хранящейся в семейном архиве поэта в Ярославле

Приведенные ниже произведения Л. Н. Трефолева не везде одинаково хорошо завершены художественно. Некоторые даже не имеют конца («Александр III и поп Иван», «В себе не вижу духа злого»). Другие не совсем отделаны («Конституция»). Да это и естественно, поскольку стихи не имели ни малейшей надежды увидеть свет. Но зато именно подспудные строки дают вполне ощутимый, истинный облик поэта.

А. Ефремин

I

АЛЕКСАНДР III И ПОП ИВАН

Поп входит и благословляет царя, который целует у него руку.

Царь

Глаза мои покрыл туман;
Страдаю я от муки адской...
Ты кто такой?

Поп

Я — Иоанн.
Твой богомолец, поп Кронштадтский[1].
Раскаяться желаешь?..

Царь

Да...
Я опасаюсь скорой смерти...
Ведь и с царями иногда
Невежливы бывают черти.
Боюсь, что в «жупел» попаду...
Спаси меня от чорта, друже!
Я не хочу сидеть в аду:
Он Гатчины гораздо хуже...
О, Гатчина, мой милый кров,
Приют спокойный и любезный!
Там без немецких докторов,
Владея силою железной,
Я был, как толстый бык, здоров,
Там под «особенной охраной»[2]
Любил я полуночный мрак,—
От света пятился, как рак,
И озарялся лишь... Дианой.

Поп

Луною, сиречь?

Царь

Точно так...
Я мифологии когда-то
Учился тоже, но потом
Все позабыл...

Поп

Умно и свято
Ты поступил...

Царь

Себя с кротом
Любил я сравнивать бывало...
Крот ненавидит светлый день,
Ему в норе приятна тень,
Ему до солнца дела мало!
Пускай на небесах оно
Горит и пышет, землю грея:
Кроту забавно и смешно...

---

[1] Иоанн Кронштадтский — кронштадтский поп Иван Сергиев, „ракобес, лютый реакционер, черносотенец, член «Союза русского народа». Эксплоатируя народную темноту, проходимцы в рясах и мундирах распускали слухи о чудесах, якобы творимых упомянутым попом.

[2] Намек на «Положение о чрезвычайной охране», введенной при Александре III.

Поп

Замечу на сие одно
Тебе по долгу иерея:
Ты судишь здраво... Мы — попы,—
Псалтырь и святцы взявши в руки,
Давно решили: для толпы
И для царей — зачем науки? [1]
Тебе — царю, как пастуху,
Чтобы пасти народов стадо,
В руках иметь лишь плети надо,
А не науку — чепуху!
Она зловредна. Верь мне, чадо!

Царь

Да, правда: в оны дни, попович,
Профессер Константин Петрович
Премудро наставлял меня,
Что «ночь» гораздо лучше «дня»...

Поп

Сие похвально! Крестоносцев
Храбрей сей хитроумный муж:
Заботясь о спасеньи душ,
Воюет наш Победоносцев, [2]
Со «штундой» борется умно
В союзе с праведным монархом;
Его попы зовут давно
Святым «гражданским патриархом».
С Победоносцевым вдвоем
Ты воевал, как божий воин!
Ты рая светлого достоин,
И о бессмертии твоем
Молебен живо мы споем...

Царь

Нет, не поможет твой молебен!

Поп

Отчаянье — есть смертный грех.
Верь мне, властитель полумира,
Еще крепка твоя парфира...

Царь

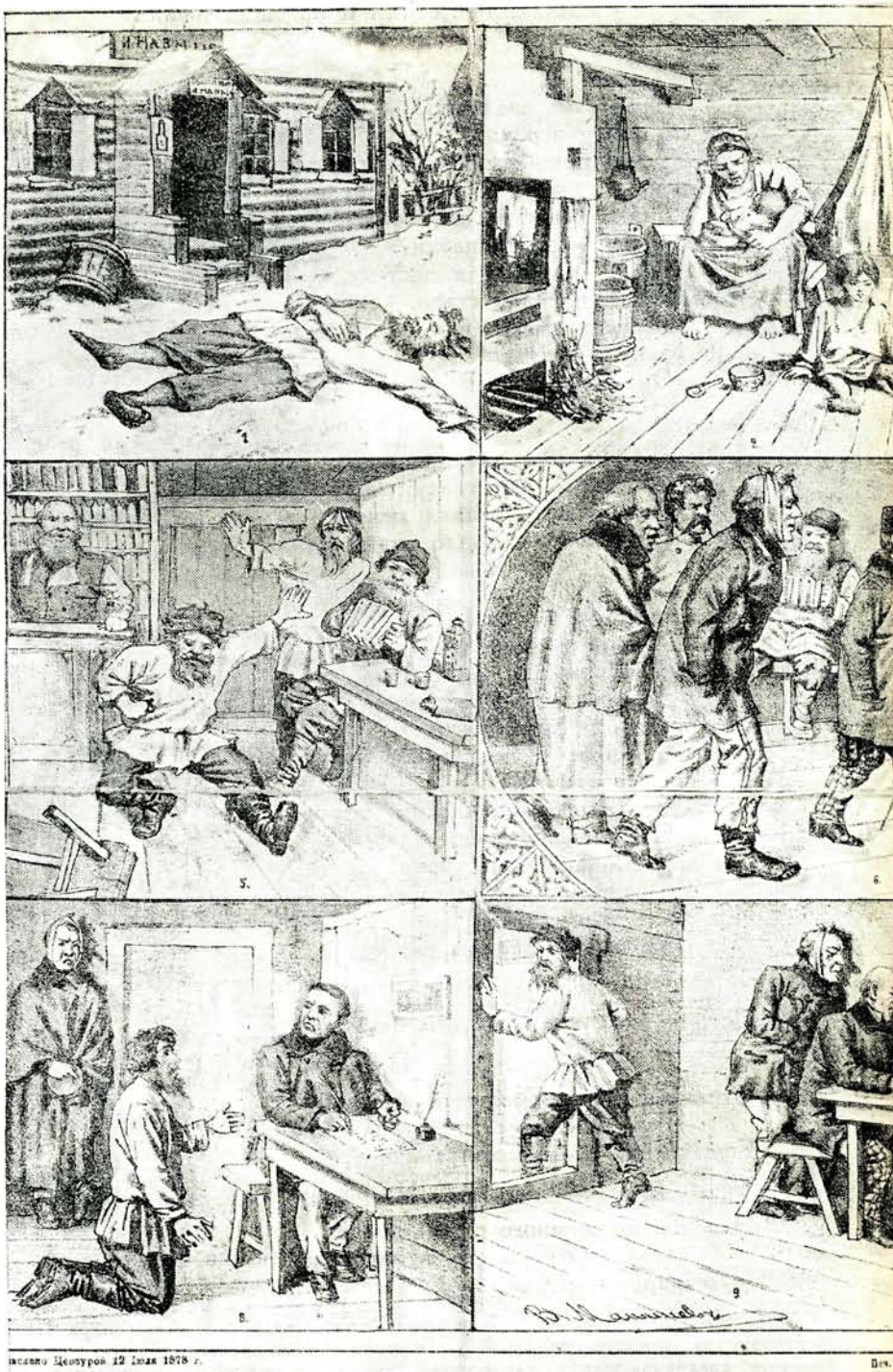
Нет, слишком много в ней прорех.
Она в дырах, она в заплатах,
Не рыцарь я в блестящих латах... [3]

---

[1] Министерство народного просвещения продолжало при Александре III политику обскурантизма, начатую еще гр. Д. Толстым, подчинивши низшую школу церкви, омертвив среднюю школу схоластикой, введя казарменную дисциплину и систему организованного шпионажа в высшей школе, и т. п. Сам Александр III был совершенно малограмотным тупым человеком, боявшимся просвещения. На докладе тобольского губернатора, жаловавшегося на малое распространение грамотности среди населения губернии, написал: «И слава богу!»

[2] К. Победоносцев — один из вдохновителей крепостнической реакции в 80-е и 90-е гг. и в начале нынешнего века. Имел огромное влияние на Александра III, которого в молодости обучал наукам, был ярым приверженцем казенной церкви и свирепо преследовал сектантов, униатов и др.

[3] Стихотворение не закончено.



...ксано Цензуром 12 Іюля 1878 г. Печ...

К А М А Р И Н С

1). Какъ на улицѣ Варваринской спитъ Касьянъ мужикъ Камаринской борода его всклокочена и репенкою подмочена, с... зовутъ дней бываетъ въ Февралѣ, въ день послѣдній спатъ Касьяны на землѣ. Въ этотъ день зеленое вино для нихъ ужъ особен... ихъ водяныхъ лѣточекъ, близнецовъ двухъ малолѣточекъ.. 3). Замоливши лихо шапку на бекрень онъ отправился къ куму своей ... цовъ съ непонятнымъ кручиномъ, дремлетъ спитъ жена Касьянова вспоминая мужа пьянаго— Пресвятая Богородица! Гдѣ злодѣй м... ные сапоги. И руками и плечами шевелитъ а гармоника пилитъ, пилитъ пилитъ. 6). Продолжается видѣніе, вотъ приходятъ къ м... четъ домъ, говорятъ Касьянъ скатившись за бока: а послушай ты, умена звенятъ за пазухой гроши, награжу тебя плаши, плаш... спутный сонъ вотъ явился листъ бумаги; передъ намъ Касьянъ въ испугѣ бьетъ челомъ, а обиженный куражится, кричитъ и прос... ко спитъ Касьянова жена видитъ бабъ въ вѣщій сонъ погружена, что мужикъ ея хоть пьянъ да не дуракъ, къ двери пятится с... къ Варваринской спитъ мертвецъ—мужикъ камаринской и идя изъ храма Божія, умываются прохожіе по нашелся наконецъ— из... сточкой его, да уже онъ совсѣмъ того, того. 11). На носилки погребальные положили именинника.

ЛУБОЧНОЕ ИЗДАНИЕ (1878 г) «ПЕСНИ О КАМАРИНСК...

Характерно, что издатель-лубочник изменил заго...

на Никольской улицѣ въ Домѣ Шереметева въ Москвѣ

Й МУЖИКЪ.

ли покрываютъ щеки пылы. Ахъ ты милый другъ, голубчикъ мой Касьянъ, ты сегодня именинникъ значитъ пьянъ двадцать-
ала двадцать девятаго, цѣлый штофъ вина проклятаго взялъ Касьянъ въ утробу грѣшную, позабывъ жену сердечную и сво-
калачики пекла, баба добрая пригожа и бѣла испекла ему калачикъ горячо, и уважила еще, еще, 4). Въ это время залучи-
снится, что въ веселомъ кабакѣ мужъ ея несется въ трепакѣ, то привскочетъ то согнется въ три дуги истоптавъ свои сна-
бразные, красноносые штиблеты, всѣ Касьяны именинники. Пуще прежняго разносится содомъ, такъ и кажется валиться хо-
ловоненіе, на тебя подамъ прошеніе, закладу еще въ ботилку, цѣловальникъ дай черемилку!. 8). Продолжается все тотъ же
строчитъ. Проситъ имя и фамилія... надо мной чинилъ насилія и притомъ тѣло свирѣпыя подлежитъ сіе воздаянію. 9). Крѣп-
мѣчежий врагомъ и потомъ летитъ бѣгомъ бѣгомъ. 10). Снова грезы небо хмурится, вся покрыта снѣгомъ улица.. а на ули-
н можно быть господинъ на Касьяна сердобольно посмотрѣлъ имъ малювался до чертиковъ настрѣлъ и потомъ даже то-

Л. Н. ТРЕФОЛЕВА С ИЗУРОДОВАННЫМ ТЕКСТОМ
нужным воспроизвести имя Л. Н. Трефолева

II
[БЕЗ ЗАГЛАВИЯ]

В себе не вижу духа злого[1]
(Хотя царит противный дух)...
...Я о России — ни полслова!
Как целомудренный евнух,
Готов я соблюсти невинность
Великой северной страны —
И, соблюдая «благочинность»,
Готов воскликнуть: «Кто на ны?»
Россия — крепкая держава —
Не склонит гордой головы.
Она немножко, правда, ржава,
(Железо ржавеет, увы!)
Но с «головою» Александра
Сияют русские умы!

III
КРОВАВЫЙ ПОТОК
(Сонет)

Утихнул ветерок. Молчит глухая ночь.
Спит утомленная дневным трудом природа,
И крепко спят в гробах борцы — вожди народа,
Которые ему не могут уж помочь.

И только от меня сон убегает прочь;
Лишь только я один под кровом небосвода
Бестрепетно молюсь: «Да здравствует свобода —
Недремлющих небес божественная дочь!»

Но всюду тишина. Нет на мольбу ответа.
Уснул под гнетом мир — и спит он... до рассвета,
И кровь струится в нем по капле, как ручей...

О кровь народная! В волнении жестоком
Когда ты закипишь свободно — и потоком
Нахлынешь на своих тиранов-палачей?..[2]

22 сентября 1899 г.

---

[1] Стихотворение без заглавия и без даты. Относится, видимо, к 80-м гг.

[2] Стихотворение продолжает традицию противоцарских памфлетов и направлено против Николая II. Таким образом мы приводим здесь образцы инвектив против Александра III и Николая II. «Кровавый поток» написан в виде сонета. Сонет — жанр лирический. Данный сонет построен согласно всем классическим канонам (четырнадцать стихов, два четверостишия, два терцета, опоясанная рифма и пр.). Но сонет «Кровавый поток» представляет не лирическое произведение, а публицистическое. Трефолев остается на протяжении всего творчества верен себе. Он «снижает» старые поэтические каноны, перевооружает поэтику, сообщает традиционным формам новую классовую сущность и тем поднимает их значение. Сообразно со своей идейной направленностью Трефолев заряжал стиховой ритм публицистическим содержанием, идя по руслу некрасовской стилистической революции. Приемы снижения пушкинского стиха мы встречаем в поэме «Красные руки». Лермонтовская строфа подвергается той же участи в стихотворном рассказе «Солдатский клад». В драматической сцене «Как волка ни корми» мы обнаруживаем нарочитые прозаизмы и вульгаризмы и т. д. Подобных примеров — множество (см. в предисловии и в комментариях, напечатанных в «Собрании стихотворений» поэта, ГИХЛ, 1931 г.).

IV

ДУША-ЧЕЛОВЕК [1]

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не делал в жизни зла...

Некрасов

1

Он был в душе прекрасен... если ночь,
Ночь темную, назвать прекрасной можно.
(Он на нее похож был)... Даже дочь-
Красавицу преследовал безбожно.
Убежище в стенах монастыря
Она нашла от батюшкиной сети...
...И умерла...
«О, дети! Наши дети!»
Отец стонал, поминки сотворя.

2

Он был добряк: менял на пятачки
По праздникам для нищих рублик медный.
Толпа пред ним рвала себя в клочки,
А он вздыхал: «Как добр народ наш бедный!»
И жарко он молился... (если вы
Считаете молитвою простою
И чистою — пред девой пресвятою
Кивание злодейской головы).

3

Оратор был он также не плохой
И возглашал прекраснейшие тосты
За жирною янтарною ухой:
«Брат-мужичок! Как высоко возрос ты!
Пью за тебя, кормилец и герой!»
...А про себя он думал в то же время:
«Проклятое все хамовское племя
С охотою прогнал бы я сквозь строй!»

4

...Оратору смертельный выпал номер.
Он спит в гробу... Звонят в колокола.
Толпа ревет: «Наш благодетель помер,
Свершив свои великие дела.
...Спи, мирно спи, герой наш благородный,
И на суде последнем не робей!
Ты чист и свят, невинней голубей!»
И к небесам несется глас народный:
«Он нищету любил и в год голодный
Пожертвовал... два пуда отрубей!»

23 июня 1891 г.

---

[1] Стихотворение «Душа-человек» представляет собой сатиру против либералов, щедрых на «свободолюбивые» слова и пышные разглагольствования. Сатира стоит в одном плане с последующим стихотворением «Конституция».

V

КОНСТИТУЦИЯ

«И в Стамбуле конституция! [1]
Сидор Карпыч мне сказал,—
А у нас лишь — проституция!»
И на деву показал.

«И в Стамбуле бредят левою, —
Сидор Карпыч продолжал —
А у нас...» и вслед за девою,
Улыбаясь, побежал.

«Доложу без лицемерия:
Эта девушка мила,
Как респуб...» Вдруг жандармерия
К либералу подошла.

«Ваша речь — о конституции?
Не угодно ли в квартал?..»
«Нет, мы так... о проституции...»,
Сидор Карпыч лепетал.

Улыбнулся снисходительно
Светлосиний альгвазил [2]
И перстом весьма внушительно
Либералу погрозил.

Уподобясь мокрой курице,
Не желая сгнить в части,
С той поры мой Клим на улице [3]
Стал себя умней вести.

На девчонок тратит рублики,
Состоит у них в долгу,
Но не любит он республики,
О свободе — ни гу-гу!

Даже с Третьим отделением
Примирился Клим давно,
И твердит он с умилением
Громко правило одно:

«Разговоров политических
Опасайся на Руси!
Но о девах венерических
Без опасности проси!»

7 июля 1876 г.

---

[1] Стихотворение, очевидно, вызвано событиями в Турции, когда младо-туркам удалось свергнуть Абдул-Азиза и провозгласить конституцию.

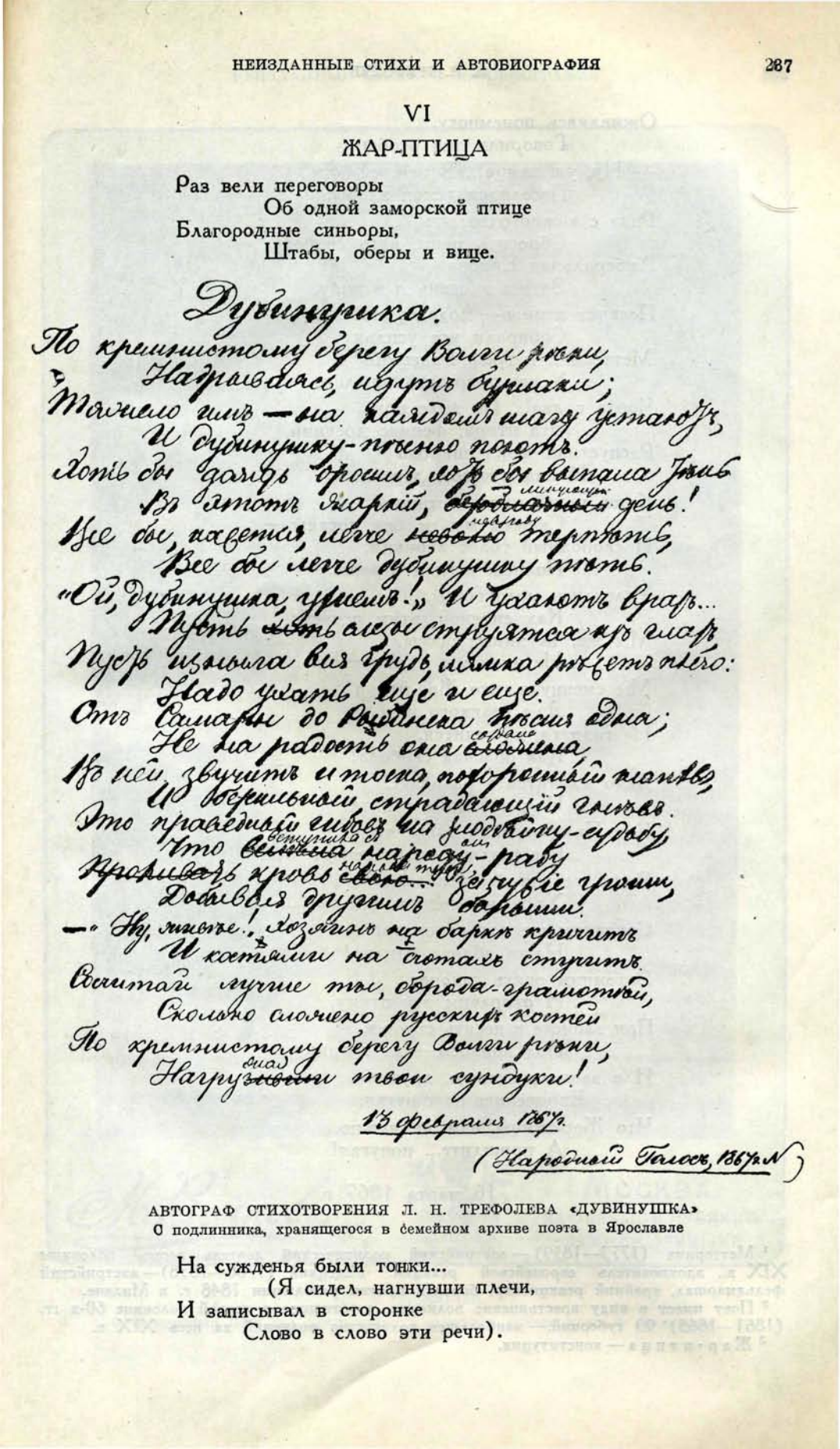
[2] Альгвазил — зашифрованное ироническое название жандарма.

[3] Стихотворение представляет собой незаконченный черновик, чем вероятно и объясняется несовпадение имен.

VI

ЖАР-ПТИЦА

Раз вели переговоры
Об одной заморской птице
Благородные синьоры,
Штабы, оберы и вице.



Дубинушка.

По кремнистому берегу Волги реки,
Надрываясь, идутъ бурлаки;
Точно гимъ — на каждый шагъ усталый,
И дубинушку-тяжко тянутъ.
Хоть бы дождь хлынулъ, хоть бы выпала грязь
Въ этотъ жаркій, ~~безсонный~~ длинный день!
Все бы, кажется, легче ~~невзгоды~~ нужду терпеть,
Все бы легче дубинушку тянуть.
„Ой, дубинушка, уразумъ!..“ И ухнетъ врагъ...
Пусть ~~слезы~~ слезы струятся изъ глазъ
Пусть изъ груди, измучена, рвется стонъ:
Надо ухать еще и еще.
Отъ Самары до Рыбинска тянется одна;
Не на радость она ~~сложилась~~ сложена
Въ ней звучитъ и тоска, подорожной полна,
И безсильной страдающій гнѣвъ.
Это праведный гнѣвъ на злодѣйку-судьбу,
Что ~~вскормила~~ вскормила на горе ей
~~Проливать~~ кровь ~~своего~~ на нашем труде,
Добавляя другимъ горести.
— „Ну, живѣе!“ Хозяинъ на баркѣ кричитъ
И костяшки на счетахъ стучитъ.
Считай лучше ты, борода-грамотѣй,
Сколько сложено русскихъ костей
По кремнистому берегу Волги реки,
Нагруз~~ившись~~ имъ твои сундуки!

13 февраля 1867 г.

(Народный Голосъ, 1867 г. №)

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ Л. Н. ТРЕФОЛЕВА «ДУБИНУШКА»
С подлинника, хранящегося в семейном архиве поэта в Ярославле

На сужденья были тонки...
(Я сидел, нагнувши плечи,
И записывал в сторонке
Слово в слово эти речи).

Оживляясь понемногу,
Говорили так особы:
— Ну, уж птица!.. В ней, ей-богу,
Поселился демон злобы.
Рада с каждого холопа
Сбросить цепи, дать свободу;
Либеральная Европа
За нее в огонь и в воду,
Посвист птицы — молодецкий!
Собирали все усилья
Меттерних и граф Радецкий [1]
У нее подрезать крылья.
Чорта с два!.. По воле рока
Эта птица, феникс древний,
Распустила хвост широко
И над русскою деревней [2].
Клюв у ней ужасно тонкий,
Скажем мы не без досады,—
И свободный голос звонкий,
Полный неги и отрады.
Увлеклись молокососы,
Как сиреной, этим пеньем;
Мы же, истинные россы,
Не знакомы с увлеченьем.
Мы смекнули, что Жар-птица [3]
Для великого народа
Не годится, не годится,
Как опасная свобода!
Дело клонится к развязке,
И у нас одна забота:
Как Иван-царевич в сказке
Расставлять везде тенета.
Здесь нельзя без вероломства,
Хоть мы люди и не злые...
Сохраним же для потомства
Наши яблоки гнилые!
Затемним опять садочек
И отправим эту птицу,
При записке в десять строчек,
Под конвоем — за границу.
И в записке скажем, дружно
Европейцев всех ругая,
Что Жар-птицы нам не нужно,
А пришлите... попугая!

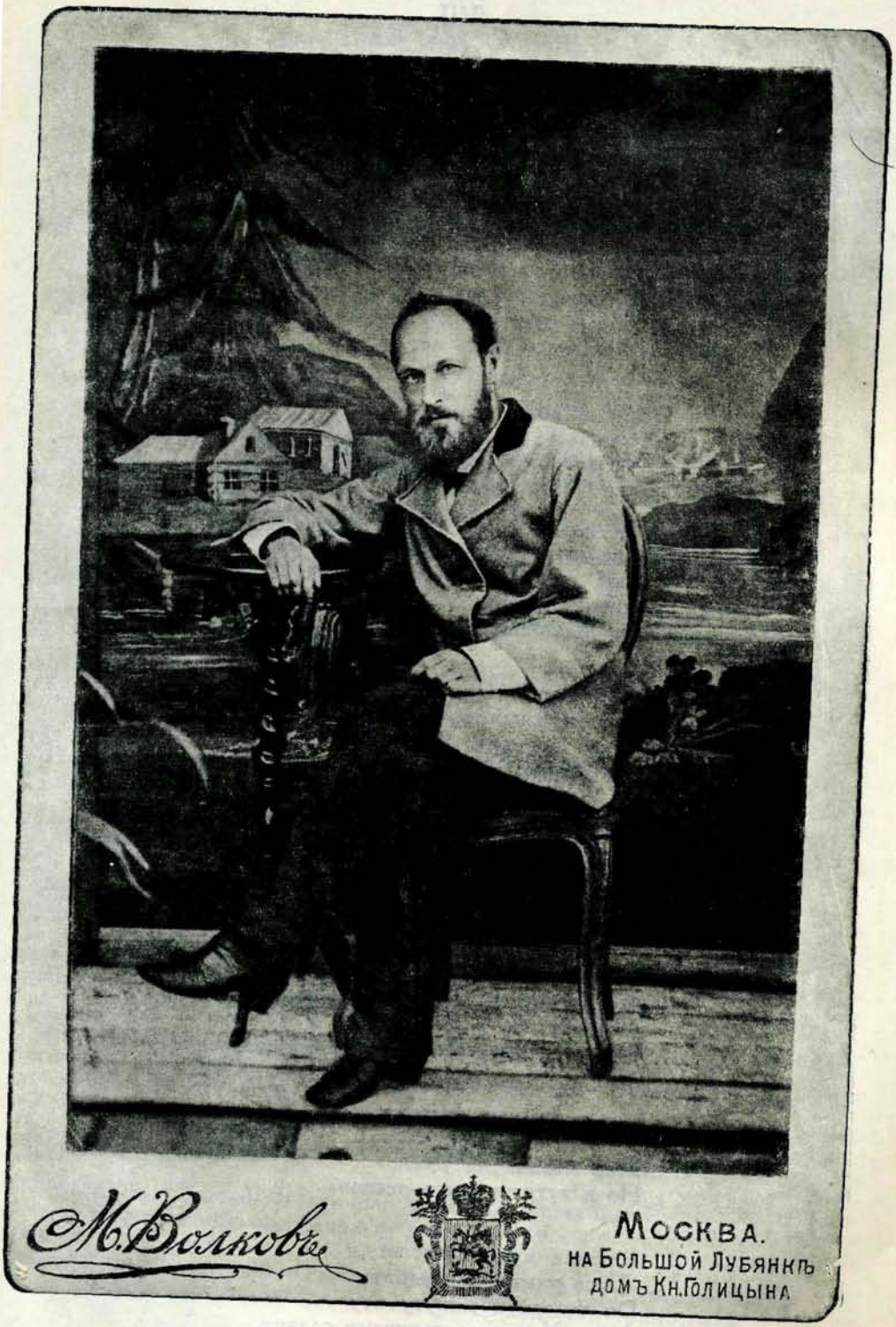
16 марта 1867 г.

---

[1] Меттерних (1773—1859) — австрийский политический деятель первой половины XIX в., вдохновитель европейской реакции. Радецкий (1766—1858) — австрийский фельдмаршал, крайний реакционер, боролся против революции 1848 г. в Милане.

[2] Поэт имеет в виду крестьянские волнения, охватившие в первой половине 60-х гг. (1861—1865) 90 губерний,— наибольшее количество волнений за весь XIX в.

[3] Жар-птица — конституция.



Л. Н. ТРЕФОЛЕВ

С фотографии (70-х гг.), хранящейся в семейном архиве поэта в Ярославле

VII

ПИИТА

Раз народнику-пиите
Так изрек урядник-ундер:
«Вы не пойте, погодите,
Иль возьму вас на цугундер!»

Отвечал с улыбкой робкой
Наш певец, потупя очи:
«Пусть я буду пешкой, пробкой,
Но без песен жить нет мочи.

Песня в воздухе несется,
Рассыпаясь, замирая,
С песней легче сердце бьется,
Песня — это звуки рая.

Песне сладкой все покорно,
И под твердью голубою
Песнь не явится позорно
Низкой, подлою рабою.

Песня — радость в день печальный,
С песней счастлив и несчастный...»
Вдруг — свисток. Бежит квартальный,
А за ним и пристав частный.

Отбирают показанья
Твердой, быстрою рукою.
«Усладили вы терзанья
Русской песней, но какою.

Вы поете о народе.
Это вредно. Пойте спроста:
«Во саду ли, в огороде...»,
«Возле речки, возле моста»...

Много чудных русских песен
Как пиите вам известно...
Мир поэзии не тесен,
Но в кутузке очень тесно».

Внявши мудрому совету,
Днесь пиита не лукавит:
Он теперь в минуту эту
Лишь Христа с дьячками славит.

21 декабря 1884 г.

VIII
[БЕЗ ЗАГЛАВИЯ]

В жизни осень наступила. Веет в серде холодок,
И озлобленно рычу я, как рассерженный бульдог:

«Да, меня не баловала и не тешила судьба.
Я родился в знатном чине... всероссийского раба,

И умру я в том же чине, и воскресну я рабом,
И явлюсь рабом пред богом в небе ясно-голубом.

И меня создатель спросит: «Что, голубчик Леонид
Николаевич? Как можешь? Как судьба тебя хранит?

Ты оставил, чай, наследство: пропасть злата-серебра?
Ты себе, чай, сделал славу силой честного пера?»

И отвечу я уныло: «Ой, ты, господи еси!
Неизвестен никому я, как писатель на Руси.

Из моих стихотворений вышел очень малый толк:
Выл я в них, как пес голодный, или словно дикий волк

Иногда в душе болящей был свирепый ураган,
Но, как шут, перед толпою открывал я балаган —

И смеялся в нем так глупо, неумело, неостро,
Что теперь я проклинаю бесполезное перо!

Никому не дам совета по моим итти стопам:
Лучше я строчил бы просьбы в консистории попам!

Погубил я ребятищек, погубил я и себя,
Музу-ведьму-лиходейку бескорыстно полюбя.

Мне она шептала страстно: «Я бедна, но я чиста.
Полюби меня безумно и сомкни со мной уста!»

Я спросил у незнакомки: «Как вас звать, мамзель? Pardon!
И зачем вас к Леониду привлекает купидон?

Леонид я не спартанский, и не очень я пригож,
И хожу в таком костюме... что чуть-чуть не из рогож,

И притом в моем кармане ветер свищет день и ночь,—
В силу этих обстоятельств удалитесь, дева, прочь!»

Так-то, господи! Я кончил, рассказал житье-бытье:
Где назначишь мне жилище вековечное мое?

Здесь — направо, в светлом рае, иль налево — у чертей
Должен жить твой бедный автор, стихоплет и грамотей?»

И ответил мне создатель: «Я с тебя, брат, не взыщу
И в раю хоть сверхкомплектным стихотворцем помещу!»

IX

МУЗА-ГЕНЕРАЛЬША [1]

(К. К. Случевскому)

Вы — художник, я — маляр;
Музе вашей я не вторю,
Ваших виршей экземпляр
Я купил... Нашел там: «К морю»,
«К музе», «К розе», «К соловью»
И так дальше, и так дальше...
Честь и славу отдаю
Вашей музе-генеральше!
Наша Муза — сирота,
Не имеющая чина,
Разевать не смеет рта,—
И близка ее кончина,
Но среди могильной тьмы
Твердо веруем, без фальши,
Что утонем в Лете мы
После... музы-генеральши!

14 июля 1884 г.

X

БИОГРАФИЯ Л. Н. ТРЕФОЛЕВА, НАПИСАННАЯ ИМ САМИМ

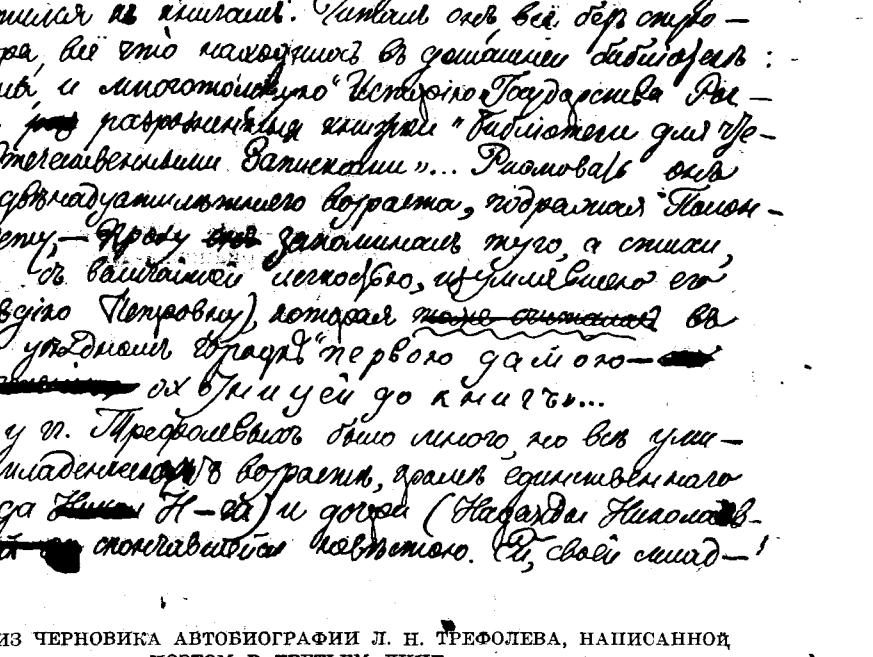
Леонид Николаевич Трефолев родился 9 сентября 1839 г. в г. Любиме, теперь село Ярославской губ., где отец его (Николай Дмитриевич, ум. в 1853), служивший в уездном суде, известен был как библиофил. Благодаря влиянию отца, и его единственный сын, Л. Н., с ранних лет также полюбил чтение. Первой учительницей его была мать (Клавдия Петровна, ум. в 1884 г.); ее ученик — сын, с шести лет посаженный за азбуку, читал без строгого выбора решительно все, что находилось в домаш-

[1] Имеются в виду высокие чины К. К. Случевского (1837—1904), который был гофмейстером, членом совета министерства внутренних дел, состоял прихлебателем при великих князьях и пр. Случевский — «писатель, но несравненно более — салонный кавалер и вдохновенный чиновник» («Наши знакомые» — фельетонный словарь), редактор «Правительственного Вестника» (1891—1902) и черносотенных «Сельского Вестника» и журнала «для народного чтения» «Бог помочь!» В виршах своих Случевский рисует идиллию крестьянского труда, вдохновляется патриотическими настроениями, отдает дань «чистой лирике» и эротическим мотивам.

«Великосветский шаркун» начал писать в конце 50-х гг. В 60-м году курочкинская «Искра» объявила войну поэтам «чистого искусства». Под обстрел были взяты А. Фет, Л. Мей, Н. Страхов и др. Досталось и Случевскому. Против него выступили главные силы «Искры» во главе с В. С. Курочкиным. В ответ на памфлеты шестидесятников Случевский выступил с беззубыми и клеветническими нападками на Чернышевского, Писарева и других, обвиняя радикальные и революционные круги в «нравственном юродстве» и пр. Но нападения на Случевского были столь сокрушительны, что он как поэт замолчал почти на двадцать лет. Только в конце 70-х гг. Случевский снова обращается к своей дворянски-реакционно настроенной «лире» (печатается в пресловутом «Новом Времени» и в катковском «Русском Вестнике»), а в начале 80-х гг. выходят «книги стихов» Случевского. Это обстоятельство видимо и вызвало в 1884 г. сатиру Трефолева, вспомнившего славные традиции боевой «Искры».

Предвещания Трефолева (см. последние строки приведенного стихотворения) оказались знаменательными. Поэты типа Случевского обречены на забвение. Как ни старались декаденты «старшего поколения» канонизировать Случевского,— ничего из их попыток не получилось. Кто из современной молодежи читает Случевского? — Никто. Между тем интерес к наследию публицистической поэзии возрастает с каждым годом. Не о себе персонально говорит Трефолев «мы»: он имеет в виду всю плеяду гражданских поэтов, не сдававших позиций, не торговавших своей лирой.

ней библиотеке: и Пушкина с Лермонтовым, и Карамзина с Жуковским, и новиковские сатирические журналы XVIII ст., переходя от них к «Современнику», «Отечественным Запискам», «Библиотеке для чтения» и «Москвитянину». Особенно же нравился ему Гоголь («Вечера на хуторе близ Диканьки»). Чем содержание прочитанного было сказочнее, фантастичнее, тем более оно пленяло мальчика-читателя (например «Вий», или сцены в романе В. Р. Зотова «Старый дом», где является Калиостро), который лишь только научился читать, все свои карманные деньги расходовал на собственную свою, помимо отцовской, маленькую библиотеку; в со-



ОТРЫВОК ИЗ ЧЕРНОВИКА АВТОБИОГРАФИИ Л. Н. ТРЕФОЛЕВА, НАПИСАННОЙ ПОЭТОМ В ТРЕТЬЕМ ЛИЦЕ

С подлинника, хранящегося в семейном архиве поэта в Ярославле

став ее разумеется входили и сказки в лубочных иллюстрированных изданиях. С русским сказочным миром познакомила его также добрейшая мать и нянюшка (Прасковия Ивановна).

Писать стихи Л. Н. начал лет с двенадцати и помещал их в своем еженедельном летнем журнале, носившем курьезное название: «Мои Отечественные Любимские Записки». Единственной подписчицей на этот «периодический» детский лепет, «выходивший в свет» тетрадками только в вакационное время, была мать Л-да Н-ча, платившая ему за каждый номер от гривенника до четвертака, «смотря по достоинству журнала». Конечно в нем есть перефразирование или прямо списывание каллиграфически стихотворений тогдашних любимых поэтов: Полонского, Мея, Фета, Щербины; у последнего впрочем заимствовалось немногое: античный мир вовсе не был понятен любимскому стихотворцу. За чтение, непременно с декламацией, он получал уже особый гонорар — от своего отца; последний сам мастерски читал и любил театр, куда, при нередких поездках в Ярославль, водил с собой Л-да Н-ча. Возвратясь домой, Л. Н. обязан был декламировать отрывки из раздирательных монологов перед родной семьей.

Для Л. Н. величайшим утешением служили частые поездки вместе со своим отцом в усадьбы состоятельных и образованных помещиков, которые имели хорошие библиотеки и разрешали ему пользоваться ими сколько душе угодно. Следует заметить, что между владельцами в одно и то же время и книг, и «душ» встречались личности как глубоко симпатичные, так и ярые крепостники, которые например на глазах у Л. Н. дозволяли себе разжалование грамотных «библиотекарш» в коровницы, после отстрижения «девичьей косы-красы»... Такие факты конечно возмущали чуткую и впечатлительную душу мальчика-поэта, имевшего возможность с раннего возраста познакомиться с народным бытом. Что касается городской жизни, то Л. Н. узнал ее в Ярославле, где, поступив в гимназию, он поселился у своих родственников, Б-ских, а затем у дяди Кон. Петр. М-ва; последний, будучи хорошим лингвистом и математиком, мог бы оказать своему племяннику существенную пользу в учебном деле, но математические науки, к сожалению, не принадлежали к числу любимых Л-дом Н-чем «предметов»; зато он страстно любил русскую литературу, историю и естественные науки... В 1856 г. Л. Н. Трефолев кончил курс гимназии, затем через два года он поступил на службу в Ярославское губернское правление помощником редактора «Ярославских Губернских Ведомостей», в которых он стал печатать с 1857 г. свои стихотворения как оригинальные, так и переводные (из Беранже и Гейне). Добрым задушевным приветом встретила их землячка молодого поэта, одна из замечательнейших писательниц 40—50-х годов, Юлия Валериановна Жадовская. Она требовала от него, чтобы он «простился поскорее с провинциальной ареной, переходил в столичную печать». Этот переход и совершился в начале 60-х гг. Л. Н. воспользовался также и другим советом Ю. В. Жад-й: «Кроме книжной, так сказать, идеальной любви к народу не мешает выражать ее и практически, хотя бы только при помощи одной книги, самой легкой и вместе с тем самой трудной: русского букваря...» И вот Л. Н. с жаром принялся за учительство в ярославской воскресной школе; там, по возможности сблизившись с детским миром, он вглядывался в его маленькие горя и радости, которым оставался не совсем чужд, много лет состоя секретарем общества для вспомоществования учащимся недостаточного состояния.

В 1864 г. Л. Н. перешел на службу в Ярославскую губернскую строительную и дорожную комиссию правителем ее канцелярии и секретарем общего ее присутствия. Там среди инженеров и техников было тогда несколько образованных лиц польского происхождения,— это случайное обстоятельство, в связи с давнишним стремлением Л. Н. изучить родственные славянские литературы (польскую и сербскую), значительно способствовало ему при переводах польских поэтов, особенно — Владислава Сырокомли (Людвика Кондратовича). Затем Трефолев после преобразования означенной комиссии снова перешел на службу в губернское правление — секретарем строительного отделения и в то же время (с 1866 г. по 1871 г.) был редактором неофициальной части «Ярославских Губернских Ведомостей». Под его редакцией, по отзывам некоторых компетентных изданий (например «Известий императорского русского географического общества») эта газета была одним из самых лучших однородных с нею по программе органов провинциальной печати; здесь Л. Н. помещал свои статьи, преимущественно по предметам этнографии и истории, пользуясь местными архивами. Принимал он также очень деятельное участие в редактировании «Трудов ярославского статистического комитета», в которых между прочим напечатал обширную монографию: «Странники. Эпизод из истории раскола». Статья эта, и до сих пор не утратившая своей важности, обратила на себя внимание такого глубокого знатока раскола, каким был И. С. Аксаков. Знаменитый писатель-славянофил впоследствии вел с

Отдѣльный номеръ 20 коп.

ОСКОЛКИ

№ 44.

ОХЕНЗДАЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ Н. А. ЛЕЙКИНА. 2 Ноября 1891 г.

Л. Н. ТРЕФОЛЕВЪ (УЕДИНЕННЫЙ ПОШЕХОНЕЦЪ).

одинъ изъ дальнѣйшихъ поэтовъ

Рис. М. М. Дальневича.

ШАРЖ НА Л. Н. ТРЕФОЛЕВА В «ОСКОЛКАХ» 1891 г., № 44

Л. Н. переписку, очень любопытную. Из других крупных деятелей печати, находившихся в переписке с Л. Н., упомянем здесь кстати о Некрасове, Плещееве, Чехове и др.

В начале 60-х гг. Трефолев стал помещать свои стихотворения в «Иллюстрированной газете» (выходившей под редакцией В. Р. Зотова), «Воскресном Досуге», «Дне» (Аксакова), «Грамоте» (Алябьина), «Искре» (Курочкина), «Развлечении» (Миллера) и пр. Его «Песня о камаринском мужике», напечатанная в последнем журнале, и «Дубинушка» сделались народными. Затем последовал тот «переход» в большие журналы, о котором пророчествовала Л. Н-чу поэтесса Жадовская. Стихотворения его печатали: «Отечественные Записки» (под редакцией Некрасова, а потом Салтыкова), «Женский Вестник», «Семья и школа», «Литературная Библиотека», «Дело», «Русское Богатство» (первой редакции), «Вестник Европы», «Наблюдатель», «Русская Мысль» и др. Из еженедельных иллюстрированных и сатирических изданий, в которых Л. Н. принимал особенно деятельное участие, упомянем о «Сиянии», «Будильнике» (под редакцией Кичеева и Курепина), «Осколках», «Живописном Обозрении» и т. д. Не раскрывая многих псевдонимов Л. Н-ча, назовем только один, довольно известный: «Уединенный Пошехонец». Псевдоним этот взят в память первого провинциального издания, выходившего под тем же названием в Ярославле (в 1786 г.).

Здесь уместно заметить, что в 1871 г. принужденный оставить государственную службу Л. Н. Треф-в обратился к земской деятельности. С 1872 г., более четверти столетия, он редактировал «Вестник Ярославского Земства».

Собрание стихотворений Л. Н. издано в Москве в 1894 г.

Прозой Л. Н. писал тоже довольно много, но большей частью под псевдонимами. Некоторые из статей его исторического содержания, например «Ярославские училища в XVIII столетии» и «Ярославль при императрице Елизавете Петровне» («Древняя и новая Россия» 1877 г.), были прочитаны автором на публичных лекциях, организованных некоторыми из профессоров Демидовского юридического лицея в пользу студентов и других учащихся недостаточного состояния. Как референт Л. Н. принимал также участие в VII Археологическом съезде в Ярославле в 1887 г. (Его реферат «Об угличском дворце царевича Дмитрия» не прошел бесследно для русской археологии: руины древнего дворца были поддержаны и реставрированы.) Известный ученый, профессор казанского университета Корсаков, очень лестно отозвался об исследованиях Л. Н. Т. по предмету местной истории. Ее, да еще поэзию страстно любил поэт. Большой домосед, он редко покидал свой родной город, «изменял» ему только ради «дружеской» Москвы. За границей (в Германии и Франции) Л. Н. был только один раз (в 1876 г.), а в 1884 г. совершил путешествие по Крыму и Закавказью.

Скончался Л. Н. в 1905 г. 28 ноября.[1]

---

[1] Приведенная автобиография, написанная по чьей-то просьбе, изготовлена в официальном духе. Здесь Л. Н. Трефолев захотел предстать в качестве легального поэта и историка-краеведа, о своей же общественной физиономии он совершенно умалчивает. Он не упоминает ни о том, что он почти всю жизнь находился под негласным и гласным надзором полиции, что его жестоко преследовала цензура, что его преследовало начальство, что «дружеская» Москва — это были поэты-суриковцы, с которыми он вел дружбу в течение всей своей жизни, а между тем ведь никто из видных писателей не хотел иметь дела с этими горемыками-поэтами. Не совсем надо верить и ссылкам на авторитеты, как например на авторитет Аксакова и других: в нашем распоряжении имеются эпиграммы — и притом довольно кусательные — на Аксакова. При случае они будут опубликованы. Приведенная автобиография интересна, хотя она слишком «официальна» и осторожна.